

Владимир Васильевич МОСКОВКИН¹
Ирина Васильевна СКИПИНА²

УДК 94: 355. 48 (470.5). 084.3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА УРАЛЕ ПОСЛЕ УХОДА АРМИИ КОЛЧАКА В 1919 ГОДУ

¹ доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории,
Институт истории и политических наук,
Тюменский государственный университет
mock1916@yandex.ru

² доктор исторических наук,
и. о. заведующего кафедрой документоведения
и документационного обеспечения управления,
Институт истории и политических наук,
Тюменский государственный университет
i.skipina@mail.ru

Аннотация

Цель данной статьи — на основе известных и вновь введенных в научный оборот документальных данных охарактеризовать политическую ситуацию, сложившуюся на территории Тюменской (Тобольской губернии) после ухода Колчака в августе 1919 г. Документы свидетельствуют о том, что большинство населения по обе стороны фронта — и в городе, и в деревне — уставшее от тягот войны и непосильного труда, приняло стабилизацию положения, наступившую после прекращения военных действий и отхода белых, с большим воодушевлением. Призывные мероприятия осени 1919 г. демонстрировали исчерпание не только хозяйственных, но и людских резервов. В Уральском военном округе осенью 1919 г. власти планировали мобилизовать около 400 тыс. чел., но задание не было выполнено. Красную армию пополнили 232,4 тыс.

Цитирование: Московкин В. В. Политическая ситуация на Урале после ухода армии Колчака в 1919 году / В. В. Московкин, И. В. Скипина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 2. С. 150-160. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-150-160

солдат, из которых более 3 тыс. вскоре дезертировали из частей. Аналогичной оказалась ситуация и в рядах противника.

У Колчака не было шансов укрепиться в регионе, и белые не могли рассчитывать на дальнейший успех. В большинстве случаев жители губернии демонстрировали нейтральное отношение к политическим реалиям, не желая участвовать в борьбе на чьей-либо стороне, надеясь на скорейшую стабилизацию ситуации и налаживание мирной жизни. Поддерживать армейские части тыл оказался не в состоянии ни в хозяйственном, ни в социально-политическом отношении. Мобилизации наталкивались не только на нежелание мужчин служить в армии, но и на то, что к осени 1919 г. молодежь призывного возраста оказалась либо уже привлечена в армию прежними наборами, либо, по разным причинам, находилась в разряде непризывного населения. В итоге, несмотря на имеющуюся неоднородность политической позиции, перевесило стремление населения к миру, гражданам пришлось подчиниться красным, которые в решительной схватке показали, что они сильнее белого режима.

Ключевые слова

Гражданская война, Урал, 1919, ревкомы, советы, продрозверстка, Колчак, политическая ситуация, мобилизации.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-150-160

История войн, в том числе и гражданских, является одной из самых изучаемых проблем, т. к. исследование этого опыта помогает утвердить в обществе мысль о необходимости преодоления противоречий мирных путем. Политическое положение, сложившееся на Урале во второй половине 1919 г., активно обсуждается на страницах исторических публикаций. В последние годы вышли обстоятельные работы по историографии Гражданской войны в России, содержащие оценку степени изученности проблемы. Интерес представляют публикации как обобщающего характера [22], так и работы, посвященные политическому положению в стране, сложившемуся после освобождения территорий от белогвардейцев [12], а также продолжается изучение рассматриваемой темы и в региональном измерении [3]. Современную историографию Гражданской войны в России нельзя представить без учета взглядов зарубежных ученых, дающих анализ истории противоборства политических сил на излете гражданской войны [13].

В Гражданской войне не может быть победителей: ее итогом является уныние и безысходность тех, кто оказался побежденным, не достигнув своих целей, и вынужден жить рядом с триумфаторами, устанавливающими правила для всего населения страны, приспособившись к требованиям утвердившейся власти. Документальный материал, хранящийся в архивных фондах федеральных архивов и архивах субъектов Российской Федерации, позволяет не только воспроизвести политическую ситуацию, сложившуюся в 1919 г., но и дает возможность оценить ее с достаточной степенью объективности. Военное противо-

стояние явилось самым трудным периодом войны, когда люди, рискуя жизнью, участвовали во фронтовых операциях. Прекращение военных действий на территории Урала во второй половине 1919 г. явилось шагом к миру, приближением конца войны. В данном случае итоги противостояния говорили об огромных потерях, свидетельствовали о расколе общества, который впоследствии пришлось преодолевать с большим трудом. Политическая ситуация свидетельствовала о том, что стороны устали от войны, заинтересованных в стабильности и прекращении противостояния становилось все больше, а желающих воевать — все меньше. Об этом говорили массовые факты отказа от участия в боевых операциях, имевшие место с обеих сторон.

К лету-осени 1919 г. наиболее благоприятно положение на фронтах складывалось для Красной Армии, что было вполне закономерно. Части красных проявили отменную боеспособность, а цели большевиков оказались близкими значительному количеству рядовых граждан, т. к. предполагали формирование нового, отвечающего чаяниям простого народа, советского общества. После освобождения Урала от белогвардейцев на местах начался процесс восстановления советской системы управления, активизировали свою деятельность и ячейки РКП(б). К сложившемуся положению население, в большинстве своем, относилось сдержанно, хотя единства политической позиции у граждан не наблюдалось. До выборов в местные советы большевистскую власть представляли ревкомы, сформированные реввоенсоветах армий. С их помощью большевики быстро укреплялись на занятой территории, пресекая все попытки анти-советской пропаганды и агитации. Военные методы позволяли установить контроль за населением, обеспечив большевистский порядок, тем самым укрепив тыл Красной армии, продолжавшей победное наступление [6, ф. 1, оп. 1, д. 65, л. 17-18]. В 1920 г. на территории Урала действовало более 1,5 тыс. ревкомов [7, ф. 1777. оп. 1, д. 1, л. 7]. По мере продвижения Красной армии на Восток и укрепления большевиков ревкомы упразднялись, уступая место советам [5, ф. 1, оп. 1, д. 93, л. 4; д. 124, л. 7; ф. 2, оп. 1, д. 83, л. 4-7; д. 84, л. 18].

Возвращение уральцев и сибиряков к мирной жизни, создание условий для выборов в местные советы позволяло постепенно отказываться от ревкомов. Работу по формированию советских учреждений вели в основном коммунисты. Члены большевистской партии делали все, что было в их силах для привлечения на свою сторону местного населения, ими в срочном порядке принимались меры по расширению партийных рядов [16, с. 362]. Массовый прием привел к притоку в организацию случайных людей, карьеристов, проходимцев, многие из которых были малограмотными и только после разъяснения понимали, что между коммунистами и большевиками нет никакой разницы. Неубедительные шаги по расширению партийного влияния подрывали авторитет партии в глазах населения. В 1919 г. недоверчивое отношение крестьян к большевикам отмечали и уральские чекисты. В отчетах они указывали, что население в деревнях думало, что коммунисты и большевики — это враждующие партии, «причем большевики друзья, а коммунисты враги народа» [7, ф. 511, оп. 1, д. 156, л. 31].

Пестрый состав местных партийных ячеек, подбор людей на руководящие посты по политической лояльности к режиму, без учета их профессиональных данных, становился причиной роста числа злоупотреблений в рядах коммунистов. Факты нарушения законов и превышения полномочий имели место не только среди рядовых, но и высокопоставленных работников. Диктаторские принципы руководства постепенно приводили к подчинению общественных и государственных организаций партийному диктату.

Под давлением большевистских лидеров деятельность других политических объединений в регионе прекращалась. Это касалось, прежде всего, меньшевиков и эсеров, которые, если и продолжали работать, то под постоянным политическим давлением. Всех членов небольшевистских политических объединений власти ставили на учет губернских и уездных ЧК, которые следили за деятельностью этих политических объединений. В случае нарушения действовавшего правопорядка, контролирующие органы фиксировали сведения и отправляли данные в губернские комитеты партии и в Москву [17, д. 10, л. 83]. В отдельных местах продолжали действовать подпольные небольшевистские организации: они выпускали прокламации с антисоветскими призывами в поддержку Учредительного собрания, разбрасывали их на улицах и площадях, но эти призывы, как правило, не находили поддержки у населения [17, д. 10, л. 112]. Сложившаяся атмосфера неприязни и ненависти большевиков к оппозиционным взглядам настораживала общественность. Становилось очевидно, что и в мирных условиях те стремились любыми методами удержат монополию на власть, используя все известные методы. Политика неприятия оппозиции еще более обостряла обстановку. Люди боялись всего и вся, ушли в себя, не желая, пусть даже случайно, принимать участия в каких-либо общественных мероприятиях и в нерабочее время старались сидеть по домам.

Военные действия на территории Урала закончились, но мобилизационные мероприятия в регионе продолжались. Солдаты были необходимы для продолжения боев на других фронтах. По понятным причинам желание служить в рядах Красной армии у уральцев таяло с каждым днем, людям хотелось быстрее вернуться к мирной жизни. В этом отношении регион не являлся особенным. Призывные мероприятия, начавшиеся в стране в августе 1919 г., проходили с большими трудностями. В Уральском военном округе предполагалось пополнить части 363 060 чел., из них на мобилизационные пункты явились 313 460 чел., из числа последних годными к армейской службе комиссии признали 232 489 призывников. По состоянию здоровья отклонили 67 074 чел. Без уважительных причин не явились 121 323 призывника, 10 413 чел. получили по разным причинам отсрочки, из принятых в части вскоре дезертировали 3338 солдат, таким образом, всего дезертировало или не явились на комиссии без причин 27 711 чел. [19, ф. 11, оп. 8, д. 520, л. 48]. В основном это была молодежь 1900-1901 г. рождения. Всего, начиная с лета 1919 г. и до конца 1920 г., мобилизации, проведенные в Уральском военном округе, позволили пополнить ряды Красной Армии на 325 тыс. солдат [9, с. 389]. Только за неделю со 2 по 8 августа 1919 г. призыв

в Уральском военном округе дал 694 чел. [19, ф. 11, оп. 8, д. 520, л. 49]. На этом фоне данные советских исследователей, о массовых добровольных вступлениях в красноармейские части представляются несколько преувеличенными. Так, по сведениям В. Е. Бузунова, за период июля-ноября 1919 г. 30 тыс. добровольцев с Урала влились в части Красной армии [2, с. 41]. З. А. Аминев приводил факты добровольного вступления в июле-ноябре 1919 г. в татаро-башкирские части Восточного фронта 6600 чел. [1, с. 468]. Требовалось все больше и больше призывников, людей на фронтах не хватало. Мобилизационные комиссии давали разнарядки уездам и даже конкретным организациям с целью обеспечения поставленных перед ними задач. На предприятиях составляли «жеребьевые списки», но, не желая идти на фронт, от участия в жеребьевках рабочие оказывались. В результате массовых мобилизаций на рабочих местах оставляли только минимум тружеников [19, д. 943, л. 81]. В постановлении № 513 Совета рабоче-крестьянской обороны, принятом 31 октября 1919 г., говорилось о решении призывать на службу в Красную армию студентов высших учебных заведений старших курсов по достижению призывного возраста. 5 декабря 1919 г. данный приказ предъявили и проректору Уральского горного института в Екатеринбурге. В документе говорилось о призыве студентов 4-х последних семестров всех специальностей [19, д. 944, л. 59]. В главное управление НКВД поступали сведения о мобилизациях милиционеров, чем были недовольны местные отделы милиции. В просьбах оставить людей на местах говорилось, что военная служба «меняет милицейских работников» [19, д. 944, л. 65]. Невыполнение плана мобилизаций привело к принятию жестких мер. 3 июня 1919 г. Совет Обороны принял решение жестоко карать дезертиров [18, с. 417-418]. Трудности с мобилизациями наблюдались и в армии А. Колчака. Только в июле-августе 1919 г. Сибирскую армию покинули 200 тыс. бойцов [20, с. 59].

Завершение военного противостояния создало условия для восстановления промышленности и сельского хозяйства. Решение экономических задач стало главным в деятельности центральных и местных властей. Особенной активностью отличались партийные организации, все чаще подменявшие Советы в решении государственных задач. Действующие в стране принципы «военного коммунизма», ликвидация рыночных отношений, распределительная политика неизбежно влекли усиление административного диктата, принуждение к исполнению трудовых обязанностей даже теми, кто не желал работать на советскую власть, что создавало дополнительные трудности для управленцев. Уральские рабочие, вернувшись к мирному труду, были готовы восстанавливать промышленность, включиться в работу, подчиняться производственной дисциплине, даже перевыполнять задания, участвовать в субботниках и воскресниках. Так, один из выступавших на 1-ой горюездной конференции в Кургане предложил увеличить рабочий день до 12 часов, но призыв рабочие не поддерживали. Не устраивала тружеников и военно-коммунистическая система распределения, не позволяющая обеспечить семьи даже самыми необходимыми продуктами питания и товарами первой необходимости. [6, д. 9а, л. 3]. Трудящиеся уволь-

нялись с предприятий, начался отток рабочей силы из города в деревню, где было проще прокормиться. Власти постоянно контролировали настроения населения. Особое внимание чекисты обращали на антисоветские высказывания. Люди, допустившие несанкционированные властью суждения, становились объектом слежки. Интерес со стороны сотрудников ЧК вызвало предложение передовых рабочих Мотовилихинского завода о проведении Уральского месячника революционного труда и о введении на этот период 10-ти час. рабочего дня. Однако по призыву одного из работников предложение не было поддержано большинством присутствующих на собрании коллектива. Обращали внимание чекисты и на требования отдельных работников восстановить свободную торговлю, на тех, кто называл большевиков авантюристами и мародерами. Результатом слежки стали многочисленные доносы. Например, только на работников Мотовилихинского завода, замеченных в «контрреволюционной» агитации, было составлено 23 характеристики. 30 марта 1920 г. сотрудники Пермской губЧК представили характеристики в губком партии с требованием разобраться с гражданами, допустившими нелестные замечания в адрес властей. [17, ф. 557, оп. 1, д. 52, л. 143]. Список недовольных сложившимся положением явился для ЧК основанием проведения арестов работников завода. Противодействие уральцев вызывали и продолжающиеся мобилизации. В военные ведомства поступали многочисленные просьбы о сокращении мобилизации работников военных заводов, т. к. профессионалов в цехах не хватало, квалифицированных специалистов, ушедших на фронт, заменяли учениками, да и они не задерживались у станка, что приводило к снижению производительности труда [19, ф. 11, оп. 8, д. 943, л. 330 об.].

Введение большевиками обязательной трудовой повинности не решило дефицита рабочей силы, к хозяйственной деятельности стали привлекать части Красной армии. 15 января 1920 г. Совет рабочей и крестьянской обороны принял решение преобразовать Третью армию в Первую (Уральскую) революционную армию труда. Армейские части предполагалось использовать на восстановление разрушенного войной хозяйства, транспорта, заготовках продовольствия. Однако принятые меры не дали результата. Красноармейцы, хорошо проявлявшие себя в чрезвычайных обстоятельствах, оказались не готовы к планомерному, каждодневному труду. Первая трудовая армия была расформирована, вместе с другими подобными ей частями, в феврале 1922 г.

Большевики считали пролетарскую диктатуру единственно возможной формой управления страной в сложившихся условиях, но ее реализация встретила с сопротивлением абсолютного большинства населения страны. Особенно яростно против экономической политики большевиков и мероприятий «военного коммунизма» выступали крестьяне [14]. Недовольство деревни вызывали ликвидация свободной торговли, возрождение крепостнических методов принуждения, тотальная грабительская продрозверстка, ведущая к нищете и разорению [21]. По мере освобождения Урала от белогвардейцев на территории восстанавливался мир, борьбу с большевиками продолжали вести скрывавши-

еся в удаленных местах немногочисленные отряды белогвардейцев. В основном это были ярые противники советской власти, дезертиры, люди, уклонявшиеся от выполнения трудовой повинности. Ликвидацией остатков частей белых занимались отряды советской милиции, чекисты, войска внутренней охраны республики. Особенно нездоровым положение было в Уфимской губернии. 23 августа 1919 г. из Уфимского отдела юстиции в Наркомат юстиции поступило сообщение с просьбой об увеличении численности судебно-следственной комиссии данного ведомства в связи ростом преступности [4]. Много работы было и у чекистов. В ноябре 1919 г. уфимские чекисты при содействии бойцов продотрядов окружили и уничтожили в Емолинской волости отряд белого прапорщика А. Копорьева, разгромили соединения «зеленых», совершавших вооруженные вылазки против красных. В этих боях был арестован один из организаторов движения — Г. Курбангалеев. Вместе с другими участниками убийств советских работников его расстреляли по приговору Уфимского губревтрибунала. Многие месяцы с переменным успехом шла борьба с отрядами противников советской власти в Красноуфимском уезде [11].

Мир, установленный на Урале, был долгожданным, но население края оказалось недовольно экономической политикой большевиков. 23 декабря 1919 г. Челябинский губотдел управления приказал местным ревкомам срочно издать и распространить приказ по волостям и станциям Троицка, Кургана, Кустаная, Верхнеуральска и Миасса о немедленном изъятии у крестьян и вывозе всех излишков хлеба, не останавливаясь перед арестом и преданием суду граждан, отказывавшимся от выполнения разверстки [10]. Аналогично складывалось положение и в соседних регионах: крестьяне не хотели даже под давлением властей отдавать хлеб из своих закромов [8]. Нежелание сдавать продовольствие вело к дальнейшему обострению ситуации.

Победы Красной Армии на Урале приближали конец войны, которая оставляла стране разрушенное хозяйство и «расколотый» социум, который восстанавливался еще более болезненно, чем экономика [15]. В итоге для оживления социально-экономической жизни страны власти вынуждены были отказаться от принципов «военного коммунизма» и ввести новую экономическую политику, допускавшую, хотя и ограниченное, оживление рыночных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии / З. А. Аминев. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1966. 483 с.
2. Бузунов В. Е. Разгром иностранной военной интервенции и колчаковщины на Урале / В. Е. Бузунов // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1957. С. 5-42.
3. Верецагин А. С. Новые аспекты региональной историографии гражданской войны / А. С. Верецагин // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1. С. 44-46.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). А. 353. Оп. 3. Д. 131. Л. 2.

5. ГБУТО «Государственный архив Тюменской области» (ГБУТО ГАТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 4; Д. 124. Л. 7; Ф. 2. Оп. 1. Д. 83. Л. 4-7; Д. 84. Л. 18.
6. ГКУ «Государственный архив общественно-политической документации Курской области» (ГКУ ГАОПДКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9а. Л. 3; Д. 65. Л. 17-18.
7. ГКУ СО «Государственный архив Свердловской области» (ГКУСО ГАСО). Ф. 511. Оп. 1. Д. 156. Л. 31; Ф. 1777. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
8. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 354. Л. 56-56 об.
9. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале / О. А. Васьяковский. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969. 392 с.
10. ГУ «Объединенный государственный архив Челябинской области» (ГУ ОГАЧО). Ф. 363. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.
11. Кобзов В. С. Государственное строительство на Урале в 1917-1921 гг. / В. С. Кобзов, Е. П. Сичинский Челябинск: Челябинский юридический институт МВД РФ, 1997. 184 с.
12. Конкин А. А. Современная историография внутренней политики большевиков (1918-1920) / А. А. Конкин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 3. С. 120-128.
13. Концепции и оценки развития России (XX — начало XXI в.) в зарубежных исследованиях / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М.: РАН. ИНИОН, 2010. 320 с.
14. Курышев И. В. Повседневная жизнь западносибирской деревни в годы гражданской войны. К постановке проблемы / И. В. Курышев // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 1(23). С. 121-127.
15. Московкин В. В. О влиянии социальной позиции крестьянства на фронтовую обстановку весной-летом 1919 года / В. В. Московкин, И. В. Скипина // Вестник Сургутского государственного университета. 2015. № 5(38). С. 32-36.
16. Очерки истории коммунистических организаций Урала. В 2-х томах. Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1971. Т. 1. 484 с.
17. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 83,112; Д. 520. Л. 143.
18. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны «О мерах по искоренению дезертирства» № 287 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М.: Управление делами СовНарКома СССР, 1943. С. 417-419.
19. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.11. Оп. 8. Д. 520. Л. 48, 49; Д. 943. Л. 81, 330 об.; 944. Л. 59, 65.
20. Рощевский П. И. Разложение колчаковской армии накануне ее разгрома (К 40-летию освобождения Сибири от белогвардейцев и иностранных военных интервентов) / П. И. Рощевский // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1959. Вып. 1. С. 58-59.
21. Скипин Д. Л. «Хлеб насущный» как жизненная ценность российского крестьянства / Д. Л. Скипин, И. В. Скипина // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны). Ишим: ИГПИ, 2001. С. 43-49.
22. Тормозов В. Т. Введение в историографию белого движения. Гражданская война и белое движение: вопросы национальной и социальной политики / В. Т. Тормозов, Г. И. Письменский, А. Г. Письменский. М.: Изд-во СГУ, 2013. 486 с.

Vladimir V. MOSKOVKIN¹

Irina V. SKIPINA²

THE POLITICAL SITUATION IN THE URALS AFTER THE DEPARTURE OF KOLCHAK'S ARMY IN 1919

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor, National History Department,
Institute of History and Political Science,
Tyumen State University
mock1916@yandex.ru

² Dr. Sci. (Hist.), Acting Head of the Department
of Documentation and records management,
Institute of History and Political Science, Tyumen State University
i.skipina@mail.ru

Abstract

The purpose of this article is to describe on the basis of the known and the newly introduced scientific evidence the political situation in Tyumen and in Tobolsk Province in general after Kolchak's departure in August 1919.

The documents show that the majority of the population on both sides of the conflict both in the city and in the country, tired of the war hardships, accepted with a great enthusiasm the stabilization took place after the cessation of hostilities and withdrawal of the White. Enlistment events of the autumn 1919 demonstrated the exhaustion of not only economic resources, but manpower as well. In autumn 1919, in the Ural Military District the authorities planned to raise about 400 thousand people, but the job was not done. 232.4 thousand soldiers joined the Red Army, of which more than 3 thousand soon deserted. A similar situation was in the enemy's ranks. Kolchak had no chance to gain a foothold in the region, and the White could not hope for continued success. In most cases, the province's residents showed a neutral attitude to the political realities, reluctant to participate in fighting on anyone's side and hoping for quick stabilization of the situation and peace. The homefront appeared unable to support the army both in economic, social and political terms. Mobilization attempts encountered

---

Citation: Moskovkin V. V., Skipina I. V. 2017. "The Political Situation in the Urals after the Departure of Kolchak's Army in 1919". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 2, pp. 150-160.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-150-160

---

not only the reluctance of men to serve in the army, but also the fact that by the autumn of 1919 young people of the age either had already been mobilized, or, for different reasons, were not subject for joining the army.

As a result, despite the heterogeneity of the political position, the desire of the population for peace outweighed, and the citizens had to accept the Red, who in the decisive battle showed that they were stronger than the White regime.

Keywords

Civil war, Ural, 1919, revolutionary committees, councils, requisitioning, Kolchak, political situation, mobilization.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-150-160

REFERENCES

1. Aminev Z. A. 1966. Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya vojna v Bashkirii [October Socialist Revolution and the Civil War in Bashkortostan]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Buzunov V. E. 1957. Razgrom inostrannoy voennoy interventsii i kolchakovschiny na Urale [The Defeat of Foreign Military Intervention and Kolchak in the Urals], pp. 5-42. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
3. Vereschagin A. S. 2012. Novye aspekty regional'noy istoriographii grazhdanskoj vojny [New Aspects of the Regional Civil War Historiography], pp. 44-46.
4. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii [The State Archives of the Russian Federation]. F. 353. L. 3. D. 131. Sh. 2.
5. GBOTO "Gosudarstvennyy arkhiv Tyumenskoy oblasti" (GBOTO GATO) [The State Archives of the Tyumen region]. F. 1. L. 1. D. 93. Sh. 4; D. 124. Sh. 7; F. 2. L. 1. D. 83. Sh. 4-7; D. 84. Sh. 18.
6. GKU "Gosudarstvennyy arkhiv obschestvenno-politicheskoy dokumentatsii Kurskoy oblasti" (GKU GAOPDKO) [The State Archives of Socio-Political Documentation in the Kursk Region]. F. 1. L. 1. D. 9a. Sh. 3; D. 65. Sh. 17-18.
7. GKU SO "Gosudarstvennyy arhiv Sverdlovskoy oblasti" (GKU SO GASO) [The State Archives of the Sverdlovsk Region]. F. 511. L. 1. D. 156. Sh. 31; F. 1777. L. 1. D. 1. Sh. 7.
8. Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti (GASPITO) [The State Archives of Social and Political History of the Tyumen region]. F. 1. L. 1. D. 354. Sh. 56-56.
9. Vaskovskii O. A. 1969. Grazhdanskaya vojna i inostrannaya interventsia na Urale [The Civil War and Foreign Intervention in the Urals]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. knizhnoe izdatel'stvo.
10. GU "Ob"edinyonny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti" (GU USACR) [The United State Archives of the Chelyabinsk Region]. F. 363. L. 1. D. 29. Sh. 5, 8.
11. Kobzov V. S., Sicinski E. P. 1997. Gosudarstvennoe stroitel'stvo na Urale v 1917-1921 [State-Building in the Urals in 1917-1921]. Chelyabinsk: Chelyabinsky yuridichesky institut MVDRF.

12. Konkin A. A. 2015. Sovremennaya istoriografiya vnutrenney politiki bol'shevikov (1918-1920) [Modern historiography of the internal policy of the Bol'sheviks (1918-1920)], pp. 120-128.
13. Igritsky Yu. I. (ed.). 2010. Kontseptsii i otsenki razvitiya Rossii (XX — nachalo XXI v.) v zarubezhnykh issledovaniyakh [Concept and Evaluation Development of Russia (XX — the beginning XXI century) in Foreign Studies]. Moscow: RAN. INION.
14. Kuryshev I. V. 2016. Povednevnyaya zhizn' zapadnosibirskoy derevni v gody grazhdanskoy voyny [The Daily Life of the West Siberian Village during the Civil War], pp. 121-127.
15. Moskovkin V. V., Skipina I. V. 2015. O vliyaniy sotsial'noy pozitsii krest'yanstva na frontovuyu obstanovku vesnoy-letom 1919 goda [About the Influence of the Social Position of the Peasantry on the Front-Line Situation in the Spring-Summer 1919], pp. 32-36.
16. Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1971. Ocherki istorii kommunisticheskikh organizatsiy Urala [Essays on the History of the Communist Organizations of the Urals]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
17. Permsky gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (PermGANI) [The Perm State Archives of Contemporary History]. F. 557. L. 1. D. 10. Sh. 83, 112; D. 520. Sh. 143.
18. Upravlenie delami SovRanKoma SSSR. 1943. "Postanovlenie Soveta rabochej i krest'yanskoj oborony 'O merah po iskoreneniyu dezertirstva'" [The Resolution of Council of Workers and Peasants' Defense "On the MAARS to Eliminate Desertion] no 287. In: Sobranie uzakoneny I rasporyazheny pravitel'stva za 1919 g., pp. 417-419. Moscow: Upravlenie delami SovRanKoma SSSR.
19. Rossiysky gosudarstvennyy voennyy arkhiv (RGVA) [The Russian State Military Archives]. F. 11. L. 8. D. 520. Sh. 48, 49; D. 943. Sh. 81, 330-330 back page; 944. Sh. 59, 65.
20. Roschevsky P. I. 1959. Razlozhenie kolchakovskoy armii nakanune eyo razgroma [Decomposition of Kolchak's Army on the Eve of Its Defeat (The 40th Anniversary of the Liberation of Siberia from the White Guards and Foreign Military Interventionists)], pp. 58-59.
21. Skipin D. L., Skipina I. V. 2001. "Khleb nasuschny" kak zhiznennaya tsennost' rossiyskogo krest'yanstva ["Daily Bread" as the Value of Life of the Russian Peasantry], pp. 43-49. Ishim: IGPI.
22. Tormozov V. T., Pismensky G. I., Pismensky A. G. 2013. Vvedenie v istoriografiyu belogo dvizheniya. Grazhdanskaya voyna i beloe dvizhenie: voprosy natsional'noy i sotsial'noy politiki [Introduction to the Historiography of the White Movement. The Civil War and the White Movement: Issues of National and Social Policy]. Moscow: IZD. SGU.